

Глава 1

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И БОРЬБА ЗА НЕГО: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

§ 1. Мировой порядок в политологическом дискурсе

1. Системный кризис и геополитически восходящие державы. Вводные замечания. – 2. О литературе, посвященной мировому порядку, и некоторых теориях, связанных с этим понятием. – 3. О понятии мирового порядка. – 4. О так называемом мировом порядке, основанном на правилах. – 5. О понятии баланса сил и устойчивости конфигурации мирового порядка. – 6. О некоторых закономерностях смены систем мирового порядка

1. Системный кризис и геополитически восходящие державы. Вводные замечания

Сегодня очевидно, что Мир-Система в настоящее время находится в системном кризисе, который постоянно углубляется быстро растущими соперничеством и противостоянием. Поэтому вполне объяснимо, что, несмотря на идеологические расхождения и антагонизмы, большинство политологов в нашей стране и за рубежом, хотя и с разных позиций, пытаются объяснить современные изменения, при этом часть из них довольно часто меняют свои прогнозы и кое-кто даже стремится обновить свой теоретический арсенал. Поэтому все больше специалистов отмечают и, соответственно, исследуют: а) усиление конфликтности в современном периоде в Мир-Системе; б) ослабление американского авторитета в мире; в) рост опасности военных конфликтов в будущем; г) подъем России, Китая и других держав, которые стремятся изменить мировой порядок. Указанные державы в американской традиции и в официальных документах называются ревизионистскими. А в отечественной науке, на мой взгляд, их стоило бы назвать **геополитически восходящими державами**.

Соответственно, обсуждаются направления изменения и формирования мирового порядка, в том числе рост значения суверенитета (в противоположность прошлому периоду (анализ трансформаций суверенитета и теорий, с этим связанных, см.: [Гринин Л. Е., Коротаев 2016a]). Учитывается также стремление держав обезопасить себя по все большему числу направлений (продовольственная, технологическая, информационная и другая безопасность). Имеет место также анализ вариантов поддержания или изменения баланса сил в современной конфликтной ситуации¹⁴.

¹⁴ Достаточно показательна в отношении перечисленных моментов программная статья канадского политолога и апологета американского порядка Петра Дуткевича «Грандиозный раскол» [Дуткевич 2022].

Итак, противостояние в мире нарастает. И хотя не исключаются периоды ослабления такого противостояния, в частности возможность прекращения военных действий на Украине, это не меняет важнейшей характеристики современного периода. Я имею в виду то, что мир находится в состоянии крупных, коренных, фактически стадийных изменений. Иными словами, Мир-Система находится в фазе, предшествующей переходу ее в новое качественное состояние (см.: [Гринин Л. Е. и др. 2024a]). А такие коренные трансформации происходят в результате изменения баланса сил в геополитическом раскладе в Мир-Системе и связанного с этим изменения международных отношений.

К вопросу о том, как происходит и как будет развиваться дальше такой процесс противостояния, мы вернемся в главе 2, § 4 «СВО, ускорение реконфигурации Мир-Системы и обострение борьбы за мировой порядок». В настоящем же параграфе необходимо остановиться на теоретических аспектах как самого понятия «мировой порядок», так и связанных с ним понятий и теорий, в том числе теорий баланса сил.

2. О литературе, посвященной мировому порядку, и некоторых теориях, связанных с этим понятием

Анализу истории мирового порядка, смене мирового порядка и его лидеров, а также прогнозов о том, каким будет новый мировой порядок, посвящено немало исследований (см. список таких исследователей во Введении и ниже)¹⁵. Некоторые из них уделяют внимание собственно теориям и их приложениям к истории и современности, другие – анализу отдельных факторов, влияющих на изменение мирового порядка, иные – прогнозам (см., например: [Attali 1991; Хантингтон 2003а, 2003б; Бжезинский 1998, 2010а; Zakaria 2008; Закария 2009; Фридман 2010, 2011; Дуткевич 2022; Пантин, Лапкин 2023, 2024]). Указанные книги З. Бжезинского [1998] и Дж. Фридмана прославляли могущество США и предлагали советы, как удержать и расширить их лидерство¹⁶. Более академичными, фундаментальными и рациональными являются исследования Г. Киссинджера [Киссинджер 1997, 2002; Kissinger 2014 (рус.: Киссинджер 2015)]; достаточно показательными и в определенном смысле стре-

¹⁵ Среди них упомянутые и не упомянутые во введении представители мир-системного направления (например, И. Валлерстайн [2001, 2003]; А. Г. Франк [Frank 1998; Франк 2002]; Дж. Арриги [Arrighi 1994, 2007; Арриги 2009; Arrighi, Silver 1999]; К. Чейз-Данн [Chase-Dunn 1999; Chase-Dunn, Hall 1997; Chase-Dunn, Babones 2006; Chase-Dunn, Almeida 2020]), а также примыкающие к ним представители теории смены циклов гегемонии Дж. Модельски и У. Томпсон [Modelski, Thompson 1996]. О последних еще пойдет речь в главах 2 и 5.

¹⁶ Это неудивительно, так как З. Бжезинский являлся советником по национальной безопасности президента Дж. Картера (1977–1981). Он один из основателей и директор в 1973–1976 гг. Трехсторонней комиссии (неправительственной международной организации, состоящей из представителей Северной Америки, Западной Европы и Азии (в лице Японии и Южной Кореи). Цель комиссии – обсуждение и поиск решений мировых проблем), а Т. Фридман – директор центра «Стратфор», известного как «неформальное ЦРУ». Но, как было сказано во Введении, в своих поздних работах Бжезинский (см., например: [Бжезинский 2010а]) высказывался за более взвешенную внешнюю политику США.

мещающимися к объективности являются доклады Национального разведывательного совета США [Мир... 2009; Global... 2008, 2017, 2021].

Смене мировых лидеров посвящены такие классические и менее известные исследования, как [Kennedy 1987 (Кеннеди 2018); Arrighi 1994, 2007; Modelski 1991; Rasler, Thompson 1994; Modelski, Thompson 1996; Валлерстайн 2001; Mearsheimer 2001; Хантингтон 2003а, 2003б; Ferguson 2003; Закария 2009; Multipolarity... 2012; Dalio 2021; см. также отечественных авторов: Богатуров 2007; Баталов 2008–2009; Воскресенский 2013; Лебедева 2020; Каширина 2020; Гринин Л. Е. 2015а, 2016б, 2016в]; см. также: [Гринин А. Л. 2024г].

Во Введении уже шла речь об основных недостатках существующих западных теорий, среди которых политизированная ангажированность; чрезмерная идеологизация; страновой и блоковый подходы (см., например: [Почта, Гузаеров 2024]). Также имеет место политическая (вольная или невольная) ангажированность в виде идеализации существующего американского порядка и осуждение «ревизионистских» держав, которые объективно недовольны всевластием, злоупотреблением монопольным положением в финансовой системе, безнаказанностью при постоянном нарушении международных правил и обычаев США (о такой идеализации см.: [Фридман 2010, 2011; Дуткевич 2022]).

Можно согласиться с В. И. Пантиным и В. В. Лапкиным [Пантин, Лапкин 2024] в отношении их характеристики недостатков и пробелов существующих теорий мирового порядка и баланса сил, «с доминирующим в научной литературе рассмотрением изменения баланса сил и динамики мирового порядка главным образом как линейно-поступательного и однонаправленного, а не волнообразного и многовекторного процесса. Это относится, в частности, к классическим работам и концепциям таких теоретиков политического реализма и неореализма, как Г. Моргентхау [Morgenthau 1955], Г. Киссинджер [Kissinger 2014], М. Каплан [Caplan 2005], К. Уолтц [Waltz 1979] и др. В большинстве работ западных, особенно американских исследователей основное внимание уделено классификации и типологизации моделей мирового порядка и различных механизмов его поддержания с помощью обеспечения “баланса сил”. При этом недостаточно учитывается или игнорируется постоянно меняющееся, крайне динамичное соотношение сил разных центров мировой системы, обусловленное периодическими технологическими, экономическими, геополитическими сдвигами, а также возникновение новых и деградация старых центров политической, экономической и военной силы. Во многих существующих теориях мирового порядка, особенно у американских авторов, более или менее явно присутствует ничем не обоснованная, по сути идеологическая посылка о весьма долговременной гегемонии США в качестве мирового лидера и о “вечном” доминировании Запада» [Пантин, Лапкин 2024: 28].

У некоторых исследователей (см., например: [Komlosy 2019]) налицо также недопонимание тотальности американской гегемонии. Отсюда идея, что место Соединенных Штатов может занять Китай, не учитывает ограниченность возможностей Китая по сравнению с местом, занимаемым США (подробнее об

этом см.: [Гринин Л. Е., Коротаев, Цирель 2016; Grinin L., Tsirel, Korotayev 2015; Grinin L., Korotayev 2015: Afterword; Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев 2024б]). К вопросу о том, почему новый мировой порядок будет миром без абсолютного гегемона, мы обстоятельно вернемся в главе 5, § 1.

Не принимается также в расчет как важнейшая составляющая смены мирового порядка борьба, в нашей терминологии, *американистов* (то есть тех из американской элиты, для кого интересы Америки прежде всего) и *глобалистов* (то есть тех, из американской и глобальной элиты, кто хотел бы только использовать ресурсы США для достижения целей, в принципе Америке чуждых) (см.: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021в, 2022а]). Этот важный вопрос будет затронут в следующем параграфе этой главы, а также и в других главах.

Нельзя не отметить недоучет и недостаток внимания к принципиально новым явлениям и тенденциям, как тем, которые уже проявили себя, так и тем, которые должны проявиться: а) неизбежности возврата к глобализации¹⁷, но уже на новых основаниях; б) влияния демографического фактора (растущий третий мир и депопуляция на Западе); в) возрастающей роли Африки.

В общем также можно согласиться с В. И. Пантиним и В. В. Лапкиным [2024: 29] относительно многих западных и некоторых отечественных подходов и теорий: «В целом, существующие теории мирового порядка и баланса сил имеют сравнительно низкий прогностический потенциал, на их основании крайне сложно делать верные среднесрочные и особенно долгосрочные прогнозы изменения миропорядка, поскольку эти теории, как правило, не учитывают множество факторов, приводящих к нелинейной динамике глобальных политических и экономических изменений. В результате многие события, кризисы, конфликты, потрясения рассматриваются как “абсолютно неожиданные”, обусловленные случайностями или невероятным стечением обстоятельств. Отсюда, в частности, возникают представления о невероятных и принципиально непредсказуемых событиях, кризисах и потрясениях типа “черного лебедя” (здесь исследователи ссылаются на: [Taleb 2007. – А. Г.]), о том, что международные конфликты и кризисы связаны исключительно с произвольными действиями и ошибками отдельных политиков и т. п.».

В. И. Пантин и В. В. Лапкин также справедливо отмечают, что «в подавляющем большинстве работ процессы глобальной социально-политической дестабилизации и процессы изменения мирового порядка рассматриваются отдельно, изолированно друг от друга, без анализа их тесного взаимодействия, взаимовлияния и переплетения. В большинстве существующих теорий мирового порядка не учитывается циклически-волнообразный характер процессов дестабилизации и изменения мирового порядка. Соответственно, представленные в научной литературе сценарии изменения мирового порядка, как правило, основаны на линейной экстраполяции существующих тенденций мировой политики и развития системы международных отношений, например на представлениях о формировании “новой однополярности”, “новой бипо-

¹⁷ Недавно в этом отношении началась интересная дискуссия в журнале «Век глобализации» (см.: [Чумаков 2023; Леонова 2024]).

лярности”, “бесполярности” или “новой многополярности” без учета нелинейного и многовекторного характера процессов дестабилизации старого и формирования нового мирового порядка. Как правило, в этих сценариях изменения мирового порядка *не прослежена связь происходящих сдвигов в мировой политике и экономике с технологическими и геополитическими сдвигами, с конкретными фазами циклов эволюции мировой системы... практически во всех сценариях отсутствует конкретная датировка наиболее вероятных периодов дестабилизации, а также точек поворота в развитии мировой системы и в изменении мирового порядка в 2020–2040-е гг.*» ([Пантин, Лапкин 2024: 28–29]; выделено мной. – А. Г.).

Я привел эти цитаты не только для того, чтобы показать недостаточность существующих теорий, подходов и терминологии, о чем подробнее пойдет речь в следующем параграфе, но и для того, чтобы подчеркнуть, что выбранная в работе ученых парадигма – связать борьбу за мировой порядок с технологическими, а также демографическими аспектами (последние не указаны в цитате, но явно подразумеваются) является актуальным подходом, который, к сожалению, не получил должного развития. Также подчеркну, что в своей работе я стремился к достаточно точному, где это только возможно, прогнозу.

3. О понятии мирового порядка

Темой мирового порядка, а также связанной с ней (мировые отношения, международные отношения, мировые институты, правила и т. п., прогнозы) занимаются довольно активно как в западной, так и в отечественной науке, особенно в течение последних трех десятилетий. Среди западных и прежде всего американских ученых, кроме вышеупомянутых, отмечу Х. Булла [Bull 2002], Р. Арта [Art 2005], Р. Купера [Cooper 1993], А. Слоутера [Slaughter 2004], Л. Миллера [Miller 1994], Дж. Айкенберри [Ikenberry 2001], Дж. Ная [Nye 2004], М. Мазара [Mazarr 2017], С. Хантингтона [Huntington 1996 [рус.: Хантингтон 2003a]], Ф. Фукуяму [Fukuyama 2005], И. Валлерстайна [2003]; см. также: [Governance... 1992; Ruggie 1994; Guehenno J.-M. 1999; Hurrell A. 2007].

Среди российских политологов можно отметить Г. Х. Шахназарова [1981], Э. Я. Баталова [2005а, 2005б, 2016], К. С. Гаджиева [2007], Ю. П. Давыдова [2002, 2006], С. В. Кортунова [2002], А. Д. Богатурова [1997, 2003], П. А. Цыганкова [2014, 2019], А. В. Фененко [2023], С. Н. Федорченко [2024], А. Ю. Мельвиля [2024], М. Г. Миронюка [2024], А. В. Кортунова [2024], С. А. Афонцева [2024], Т. А. Шаклеину [2002, 2015], С. А. Караганова [2005], А. И. Уткина [2006], А. Н. Богданова [2012], Н. А. Симонию и А. В. Торкунова [2015], И. А. Истомина [2016, 2020], В. Г. Барановского [2019]; М. М. Лебедеву [2016, 2020]; Ю. М. Почту [2021; Почта, Гузаеров 2024]; Н. А. Филина [Filin *et al.* 2022; Филин, Ходунов 2024]; И. Ф. Кефели [2010; Kefeli *et al.* 2025]; Л. М. Исаева [Исаев и др. 2023; Шишкина и др. 2024]; В. А. Голинея [2023; Голиней, Джумашева 2024]; А. А. Акаева [2023а, 2023б; Akayev *et al.* 2017]; И. В. Ильина [Ильин, Леонова 2015, 2016, 2023; Leonova, Ilyin 2022],

А. В. Коротаева [2015; Коротаев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2016, 2022; Korotayev, Grinin L. 2013; Grinin L. *et al.* 2019, 2024], О. Г. Леонову [2018, 2019, 2020, 2021, 2022], С. Ю. Малкова [Малков и др. 2010; Малков, Максимов 2018; Малков 2020], А. Н. Чумакова [2012, 2016, 2023], В. И. Пантина и В. В. Лапкина [2023, 2024] и др. Обзоры различных подходов и определений мирового порядка см.: [Кортунов 2002; Богатуров 2003; Баталов 2005а; Сирота 2013а, 2013б; Сирота и др. 2022; Лебедева 2016, 2020; Миронюк 2024; см. также: Цыганков 2019; Барановский 2019; Гринин А. Л. 2024г].

Термин «мировой порядок» был введен в научный оборот известным английским политологом Х. Буллом в 1977 г. [Bull 1995]. В нашей стране это понятие ввел в научный оборот Г. Х. Шахназаров [1981]. Некоторые данные об истории употребления этого понятия, частоты и коннотаций его употребления, его различных определений, других аспектов и подходов в использовании понятий порядка и мирового/международного порядка см.: [Миронюк 2024]. Обзоры различных подходов и определений мирового порядка см.: [Кортунов 2002; Богатуров 2003; Баталов 2005а; Сирота 2013а, 2013б; Сирота и др. 2022; Миронюк 2024].

Булл дает и известное определение международного порядка, хотя, на мой взгляд, не особенно продуктивное. Под международным порядком он понимает образец деятельности, которая поддерживает элементарные или первостепенные цели сообщества государств [Bull 1995: 8]. Получается, что международный порядок – это некий идеал, а не реальное положение дел.

Дж. Миршаймер дает более интересное, на мой взгляд, понимание мирового порядка как организованной системы (группы) международных институтов, которые помогают управлять взаимодействием между государствами-членами. При этом международные институты он рассматривает как правила, которые разработаны великими державами и которым они согласились следовать, поскольку это в их интересах [Mearsheimer 2019: 9]. Следовательно, когда соблюдение этих правил перестает быть в интересах великих или крупных держав, начинается ослабление порядка и отход от его норм, то есть постепенное его разрушение (либо восстановление, если удастся вернуть диссидентов в прежнее состояние). Политика и внешнеполитические декларации США при Д. Трампе в 2017–2020 гг. и в 2025 г. являются тут прекрасным примером отхода от прежних политики и установок, в данном случае собственных, долгое время навязываемых всем Соединенными Штатами Америки.

Дискуссии о том, что такое мировой порядок, активно развернулись с 1990-х, когда после коллапса СССР и социализма американцы озаботились теоретическим основанием нового – американского – порядка. О важности для политической науки этого понятия писали многие (см., например: [Ikenberry 2001; Баталов 2003, 2005а, 2005б; Сирота и др. 2022 и мн. др.])¹⁸. Однако консенсуса до сих пор нет, хотя многие определения крутятся вокруг

¹⁸ Согласно Э. Я. Баталову [2005а], анализ мирового политического порядка открывает путь к пониманию структуры более или менее устойчивых и значимых связей между элементами системы международных отношений.

идеи неких признанных правил (см. ниже). Для нормально функционирующего мирового порядка правила, конечно, необходимы. И недаром Г. Киссинджер [1997] писал о необходимости легитимации мирового порядка, однако он же подчеркивал, что мир невозможен без равновесия, а справедливость – без самоограничения. Сегодня многие американские и западные политологи упирают на идею порядка, основанного на правилах. Но, как мы увидим ниже, в настоящий момент это звучит уже едва ли не как издевательство. С приходом к власти команды Д. Трампа, вероятно, характеристика существующего в мире положения как «порядка, основанного на правилах», станет употребляться значительно реже.

Выделяют три основных подхода к интерпретации мирового порядка.

1) *Реалистический*, который восходит еще к идеям Г. Моргентхау [Morgenthau 1955], причем в качестве главного элемента баланса сил рассматривался военный компонент. Такой подход преобладал в годы противостояния СССР и США. Современные представители реализма, подобно Р. Арту [Art 2005: 215], считают, что внешняя политика не может быть оторвана от военной мощи. «Закон силы» определяет ход событий с самого начала истории [Кехлер 2022; см. также: Köchler 2019; подобного подхода придерживается и Дж. Миршаймер [Mearsheimer 2001, 2019, 2024]. О полярности, связанной с силовым потенциалом, см. также: [Кортунов 2002]. В связи с обострением противоречий можно думать, что это направление усилится.

2) *Конструктивистский*, делающий основной упор на правила, которые управляют системой и обеспечивают ее стабильность. Представителями являются Р. Купер, Л. Миллер и А. Вендт [Cooper 1993; Miller 1994; Wendt 1999]. Немало российских ученых также придерживается аналогичного подхода.

3) *Институциональный*. Для этого подхода важен аспект принятия решений по ключевым вопросам, а также механизмы, способы и формы межгосударственного сотрудничества. Подход сформулирован Дж. Айкенберри [Ikenberry 2001].

Как сказано, ряд российских политологов делают упор на значимости юридически оформленных правовых норм (международных договоров, соглашений), организующих отношения субъектов мировой политики.

Рассмотрим одно из таких определений. Мировой порядок – это: 1) система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; 2) набор согласованных на их основе конкретных установлений; 3) набор признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; 4) потенциал уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; 5) политическая воля стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [Богатуров 1997: 40; см. также: Его же 2003].

Мне, как и моим соавторам, все же ближе реалистический подход. Поэтому, на мой взгляд, это определение некоего идеального мирового порядка (как и вышерассмотренное определение Х. Булла), который основан не на силе и не на интересах лидирующей(-их) мировой(-ых) и региональных держав¹⁹,

¹⁹ Уже давно отмечено, что одним из важнейших понятий в сфере борьбы за власть в мире являются интересы ведущих держав, при этом концепт интереса может быть определен как си-

а на соблюдении неких принципов. Однако принципы и правила соблюдаются до тех пор, пока это выгодно (см. об этом ниже, в следующем разделе).

В нашей совместной статье [Гринин Л. Е. и др. 2024a] мы оценили данное определение как формальное, как бы для внешнего пользователя, для официоза. На самом деле мировой порядок определяется характером, целями и интересами тех ведущих держав (или одной державы), которые являются центральными, и их взаимоотношениями, вытекающими из баланса сил, противоречий и сложившихся союзов; а уже их взаимоотношения выражаются в тех или иных официальных или неофициальных нормах и вошедших в практику обычаях.

Мировой порядок, если давать ему рабочее определение, не претендующее на универсальность, но вполне удобное в рамках данной монографии, – это более или менее устойчивая в течение определенного (иногда достаточно долгого времени), но в то же время подвижная система международных отношений, включающая сложное переплетение интересов, целей и особенностей ведущих и иных держав; выражающаяся в союзах, конфигурациях противоречий и связей, что в итоге принимает форму сосуществования с комплексом более или менее признанных и оформленных идей, правил, договоренностей и обычаев, которые принимаются как определенная норма. Резкие нарушения устоявшихся отношений и правил вызывают потрясения мирового порядка; целенаправленные попытки изменить баланс, которые основаны на ощущении несоответствия реальных потенциалов и места державы (держав, союзов) в мировом порядке, способны коренным образом изменить мировой порядок и трансформировать его. Тогда новые правила и привычные отношения требуют формирования в течение определенного времени (это определение дано в: [Гринин Л. Е. и др. 2024a]).

Крайне важно понимать, что такие изменения в мире, когда баланс сил существенно меняется, происходят редко, раз в несколько десятков лет. И это неудивительно, поскольку суть изменения мирового порядка составляют радикальные сдвиги в соотношении сил между основными центрами мировой системы, предполагающие переход всей международной или мировой системы в новое состояние с новой организацией глобального управления [Huntington 1996; Kissinger 2014; Барановский 2017; Пантин, Лапкин 2023]. Ключевым элементом таких сдвигов, как правило, является смена мирового лидера (лидеров) и формирование новой иерархии центров силы. Но об этом мы будем говорить далее.

Структура и измерения мирового порядка

В связи с тем, что исследование аспектов и измерений мирового порядка является одной из главных задач данной работы, вопрос об измерении и в целом структуре мирового порядка является важным для нас.

ла, но содержание этого понятия не является раз и навсегда определенным [Morgenthau 1955].
Интересы меняются и зависят от технологий, момента и многого другого.

Как указывает С. Н. Федорченко [2024], изучая структуру мирового порядка, ученые в основном фиксируют схожие по смыслу составляющие. Далее он дает обзор некоторых подходов. П. А. Цыганков структуру мирового порядка делит на социетальный (сферы общественной жизни), горизонтальный (типология международных акторов), вертикальный (иерархичность, наличие центров силы) и институциональный (совокупность международных институтов, организаций, договоров) компоненты [Цыганков 2014: 167–170]. А. В. Фененко в структуре мирового порядка выделяет следующие компоненты [Фененко 2023]: иерархический компонент (соотношение сил между странами, фактор великих держав), системные регуляторы (соглашения, войны, международно-правовые режимы) и нормативно-ценностную основу (набор норм, а также ценностей, например христианства и этатизма).

С. Н. Федорченко [2024] отмечает, что для понимания структуры становящегося или, напротив, разрушающегося мирового порядка, то есть актуального для настоящего времени состояния, интересно мнение британского историка политолога Р. Саквы, который допускает не только хронологический, но и пространственный фактор, отмечая, что международная система может одновременно предполагать несколько порядков [Саква 2020]. Это позволяет лучше отличить мировой порядок от международной системы. Согласно Сакве, мировые порядки создаются на основе конкретной международной политики [Его же 2023]. С этим вполне можно согласиться, так как политика – это всегда достижение возможного. В то же время крупные изменения готовятся длительное время и наступают после серьезных или радикальных переломов.

После 1991 г. Соединенные Штаты распространили свой порядок на основе общих либеральных ценностей. Если во время биполярной системы международных отношений либеральный порядок был ограниченным клубом западных стран, поддерживающих лидерство США взамен на поддержание ими безопасности, институтов, системы экономических отношений, то после распада СССР и его блока такой порядок расширился вовне [Larson 2022], сформировав условия для короткого однополярного периода развития международных отношений. Со временем либеральный мировой порядок стал критиковаться со стороны России, Китая и других стран за существующую в нем гегемонию Соединенных Штатов, которые регулируют деятельность международного сообщества [Саква 2020: 51–52, 73].

Что касается темы измерений мирового порядка, то, к сожалению, внимания к ней недостаточно.

Выделяются следующие измерения мирового порядка: *горизонтальное*, *вертикальное* и *функциональное* [Сухов 2020], в целом связанные с вышеописанными подходами к интерпретации мирового порядка.

Горизонтальное измерение – это прежде всего отношения между основными акторами мировой политики.

Вертикальное измерение миропорядка представлено отношениями между сильными и слабыми акторами. Фактор силы имеет определяющее значение для обеспечения жесткой иерархической организации в международных отношениях.

Что касается *функционального* измерения мирового порядка, то его составляет комплекс факторов, среди которых дипломатия акторов, экономическое взаимодействие между ними, моральные ценности и политические амбиции лидеров, международные сообщества деловых людей, взаимодействие в области бизнеса, науки, культуры. К этим измерениям мы еще вернемся.

*Есть и промежуточные подходы*²⁰.

4. О так называемом мировом порядке, основанном на правилах

Отчетливо проявились противоречия между действиями США по реализации концепции либерального мирового порядка, позицией ведущих мировых держав и реальными трендами²¹. Равно и концепция мирового порядка, основанного на правилах (the world order based on the rule), активно продвигаемая с 1990-х, также начинает выглядеть все более сомнительной, к тому же дать четкое пояснение, какие же это все-таки правила, на которых основан мировой порядок, так и не удалось (см.: [Chalmers 2019; Jorgensen 2018; Нефедов 2021]). А без ясного понимания правил мировой или международный порядок неизбежно может стать «порядком сильного» [Talmon 2019]. Кроме того, не так давно советник президента Дж. Байдена по национальной безопасности Дж. Салливан сказал о том, что мировой порядок сильно изменился за последнее время, президент Дж. Байден заявил о том, что требуется новый мировой порядок, а президент Д. Трамп постоянно заявляет, что нынешний мировой порядок невыгоден США. Соответственно, в мышлении американских политиков и стратегов возникает непримиримое противоречие: или порядок, основанный на правилах, есть (и тогда его менять не надо), или его надо менять, но тогда нет смысла говорить о каком-то существующем порядке, основанном на правилах. Таким образом, Западу давно следует перестать говорить о «порядке, основанном на правилах» [Roos 2024].

В настоящий момент стало совершенно очевидно, что никакого либерального порядка США уже не строят, а хаотично (то есть без четкой стратегии) пытаются ослабить своих конкурентов. В итоге именно хаотичное разрушение прежнего мирового порядка становится ведущим трендом. Мы (см.: [Гри-

²⁰ Т. А. Шаклеина при выделении ныне существующих и потенциальных центров силы предложила учитывать ряд параметров, в частности размеры территории, населения, экономики, уровень развития вооруженных сил, науки, культуры, образования [Шаклеина 2012: 51–74]. И. А. Истомин (2020), анализируя ее подход, пишет, что в целом они соответствуют традиционным категориям ресурсов в международных отношениях. В то же время Шаклеина обращает внимание на ряд специфических параметров: исторический опыт участия в мирорегулирующей деятельности, а также желание и волю действовать глобально. Таким образом, наряду с реалистскими категориями Т. А. Шаклеина использует конструктивистскую методологию интересубъектных взаимопредставлений.

²¹ Тем более что к этому времени все больше американских исследователей задавались вопросом, подобно П. Денину [Denen 2018], не приближается ли Америка к концу естественного цикла разложения и упадка. Но, разумеется, такой подход не был и до сих не является мейнстримом в США, да и на Западе в целом. Однако об остроте недовольства американским порядком со стороны растущих держав в связи с постоянным нарушением «правил» этого порядка и двойными стандартами Запада стали писать чаще (см., например: [Дуткевич 2022]).

нин Л. Е. и др. 2024a)] никак не можем согласиться с П. Дуткевичем (2022), что западный порядок якобы является универсальным, основанным на неких правилах и опирающимся на некие нормы поведения, и поэтому он культурно чужд ревизионистским странам, поскольку не отвечает их интересам, духовным потребностям и властным устремлениям. Западный порядок давно уже не опирается ни на правила, ни на нормы, а действует по принципу «что хочу, то и делаю». Д. Трамп в очередной раз открыто подчеркнул это. И Россия, Китай и другие страны постоянно страдают именно от отсутствия всеми исполняемых правил и норм. Однако мы вполне можем согласиться с Дуткевичем, что процесс противостояния западной гегемонии во главе с США и складывания альтернативного мирового порядка, зревший десятилетиями, находится в полном разгаре.

Пока было выгодно, США ратовали за свободную торговлю и принципы ГАТТ-ВТО. Когда глобализация стала более выгодна растущим державам, США, не слишком раздумывая, ввели невиданные торговые пошлины, наплевая на ВТО и ее принципы²². Трамп и его команда, в частности Марко Рубио, сейчас бесстыдно описывают США как некую жертву американской доброты и щедрости, которой бессовестно воспользовались другие страны, чтобы эксплуатировать Америку (например, [Boyle 2025]). И это при том, что, как будет показано в главе 2, США ежегодно вытягивают из остального мира триллионы долларов.

О морали речь заходит лишь тогда, когда необходимо покарать врагов Америки. Когда же отвращение всего мира вызывают, наоборот, действия союзников США, всегда найдется место нюансам и дипломатическим экивокам, справедливо делает вывод Арес Русинос, анализируя ухищрения внешнеполитической пропаганды США в защиту разрушения Газы [Roussinos 2023]. Такой цинизм и двойные-тройные стандарты стали вызывать и углублять раскол в американском и западных обществах.

Нельзя не согласиться с характеристикой Спенсера Аккермана – внешнеполитического обозревателя “The Nation” и автора книги «Царство террора: Как эпоха 11 сентября дестабилизировала Америку и породила Трампа», когда он разбирает, как работает то, что администрации США любят называть международным порядком, основанным на правилах. Он пишет, что концепция работает как звездочка, помещенная в международное право доминирующей мировой сверхдержавой. Это одна из причин, по которым международное право остается слабым, поскольку основанный на правилах порядок, который делает исключение для Соединенных Штатов и их союзников, фундаментально подрывает концепцию международного права. Американские политики склонны ссылаться на эту концепцию, чтобы продемонстрировать преимущества глобального лидерства США. На первый взгляд это звучит очень похоже на международное право: стабильный мировой порядок, вклю-

²² Отметим, что в итоге США в 2000-х гг. не смогли предложить новой концепции глобального экономического порядка взамен непопулярного «вашингтонского консенсуса» [Истомин 2020; см. также: Gore 2000; Trinidad 2006]. Название статьи Тринидада весьма символично “Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion?” («Прощай, Вашингтонский консенсус, здравствуй, Вашингтонское столпотворение?»).

чающий в себя арсенал международной помощи и финансовых институтов, в котором правила приемлемого поведения отражают либеральные ценности. И когда прерогативы США совпадают с международным правом, Соединенные Штаты называют эти два понятия синонимами. Но, когда прерогативы США расходятся с международным правом, у Америки (добавлю, кстати, и у ее любимого союзника – Израиля. – *А. Г.*) нет проблем с его нарушением – и все это при том, что она заявляет, что эти нарушения в конечном итоге идут на пользу глобальной стабильности. Неизгладимый пример – вторжение США в Ирак в 2003 г., который администрация Джорджа Буша цинично оправдывала как способ обеспечения исполнения мандатов ООН на разоружение [Ackerman 2024].

5. О понятии баланса сил и устойчивости конфигурации мирового порядка

Вопрос баланса сил в международной системе и его нарушения являются центральными для понимания истории внешней политики тех или иных государств и общей конфигурации европейских и мировых отношений. В частности, осознанная внешняя политика ряда государств (особенно Англии) позволяла им путем целенаправленных действий формировать разнообразные военно-политические союзы, так или иначе выравнивая этот баланс в свою пользу. Зная это, лучше понимаешь логику формирования данных порой причудливых союзов в течение XVIII и XIX вв., а также постоянные переходы их участников из одного лагеря в другой (см.: § 3 этой главы; [Гринин Л. Е. 2023в; Grinin L., Ilyin, Andreev 2016]).

Понятие баланса сил в политической науке сложилось довольно давно, хотя вокруг него ведется немало споров (о различных подходах к теории баланса сил см., например: [Spykman 2017; Waltz 1979: 116–123; Mearsheimer 2001; Sheehan 2004; Little 2007; Nexon 2009; Zhang 2011; Underwood, Paul 2020; Afshan, Ali 2021; Andersen, Wohlforth 2021; Müller, Albert 2021; Liu 2023; см. также: Истомин 2016, 2020]). Баланс может быть рассмотрен в достаточно узком, чисто военном плане. Однако необходим более широкий взгляд – для того чтобы посмотреть, как меняется баланс на достаточно длительном отрезке времени, или чтобы увидеть, какие изменения реально произошли в экономике, технологиях и военных расходах. Сложившийся баланс, даже если мировой порядок однополярный (как сегодня), тем не менее предполагает соблюдение определенных неписаных правил, исходящих из разумного предвидения негативной реакции на их нарушения²³. Это и был бы «порядок, основанный на правилах», о котором шла речь выше. Если же правила нарушаются, как происходит сегодня, то возникает либо углубление дисбаланса в пользу ведущей державы, либо обратное действие со стороны конкурирую-

²³ Правила эти часто, если не обычно, неписаные, а не юридически зафиксированные. Отличие неписаных правил от писаных вполне наглядно видно в позициях НАТО и России о непродвижении НАТО на Восток. Обещание было дано, но это было незаписанное обещание, от которого легче отказаться (впрочем, и подписанный договор, вне всякого сомнения, был бы нарушен ради расширения НАТО).

щих акторов в попытках восстановить прежний баланс или даже добиться преимущества.

Тем не менее любой баланс сил предполагает наличие более чем одного центра власти [Мюллерсон 2022], а соотношение сил ведущих государств в мировом пространстве никогда не бывает постоянным из-за неравномерности темпов развития, технологических и организационных прорывов, а также за счет удачной дипломатии или, наоборот, грубых ошибок. И это, безусловно, может создавать определенные преимущества для одного общества перед другим [Кеннеди 2018]. Действия США с 1990-х гг. представляли постоянное нарушение баланса сил в пользу США и НАТО, в том числе и через ущемление интересов России на постсоветском пространстве. Пружина недовольства и разочарования в искренности США постоянно сжималась, пока не стала распрямляться в обратную сторону. Нынешний момент очень важен для понимания, куда качнется баланс сил.

Однако, когда **потенциальный** баланс сил меняется очень заметно, неизбежно начинаются те или иные попытки реализовать его в **реально измененный** баланс, а это вызывает сильные потрясения в регионах и Мир-Системе.

В завершение хотел бы еще указать на важный теоретический вопрос, который затрагивается исследователями концепций баланса сил. Он важен для нас тем, что, исходя из его решения, строятся различные прогнозы будущего мироустройства. Речь идет о том, какая конфигурация в мировом балансе сил делает мировой порядок наиболее и наименее устойчивым. Здесь имеет смысл обратиться к статье И. А. Истомина [2016]. Он указывает, что в западной исследовательской литературе на протяжении второй половины XX столетия отсутствовало согласие относительно того, какой тип распределения потенциалов в мире был бы оптимальным для поддержания стабильности. В то время как теоретики «баланса сил» ратовали за биполярную модель [Waltz 1979], представители «теории силового транзита» [Organski 1958; Gilpin 1981] считали, что сохранению системного порядка больше всего способствует наличие гегемонии. В то же время они были согласны с тем, что наименее предпочтительная форма политической организации – полицентричный мир. Предположение о его структурной нестабильности обуславливалось предположением о повышении уровня неопределенности по мере увеличения числа держав, обладающих сопоставимыми потенциалами. В условиях отсутствия гарантий выполнения игроками ранее взятых на себя обязательств и наличия множества альтернативных возможностей для создания коалиций адекватная оценка соотношения сил, а значит, и выбор оптимальной политической стратегии, становятся затруднительными [Christensen, Snyder 1990].

Сегодня концепция о том, что многополярность делает устойчивость меньшей, продолжает иметь влияние (мы еще коснемся этого вопроса в главе 5). Думается, что это предположение относится к неупорядоченной системе с меняющимся количеством полюсов, когда число автономных игроков будет переменным и различным для различных измерений мировой политики и эко-

номики (см. также: [Кортунов 2024: 81])²⁴. Так или иначе, я согласен с И. А. Истоминим, что необходимо исследовать все вероятные проблемы и слабости полицентричной модели, к которой сейчас стремятся РФ и другие страны. ИмPLICITные пробелы и противоречия в осмыслении текущего и желаемого состояния международной системы в официальном дискурсе открывают поле работы для исследователей [Истомин 2016]. Мы вернемся к вопросу об устойчивости моделей мирового порядка в главе 5, § 1.

6. О некоторых закономерностях смены систем мирового порядка

В этой главе, в § 3, мы будем говорить об исторических типах мирового порядка и истории формирования и смены мировых порядков. Поэтому логично будет предварительно сказать несколько слов о некоторых закономерностях и особенностях такой смены, которая может быть представлена в виде определенного цикла из нескольких повторяющихся фаз. Хотя надо иметь в виду, что ни на одной фазе цикла никак нельзя ожидать буквального повторения предыдущих циклов. В историческом процессе можно найти повторяемости, но они всегда индивидуальны и своеобразны. Иными словами, указанная повторяемость не только не лежит на поверхности, но и требует достаточно глубокого проникновения и определенного абстрагирования.

Теоретические исследования причин и закономерностей изменения мирового порядка начались довольно давно. Важные выводы и идеи относительно хода процесса смены мировых порядков в том или ином виде можно найти у разных исследователей (см., например: [Кеннеди 2018; Modelski, Thompson 1996; Бродель 1986–1992; Wallerstein 1974, 1980, 1983; Валлерстайн 2003, 2016a, 2016б, 2018; Киссинджер 1997, 2002; Kissinger 2014; Бжезинский 1998; Zakaria 2008; Arrighi, Silver 1999; Арриги 2009 и др.]). Достаточно пронизательные подходы нередко циркулируют и в публицистическом дискурсе. Однако важно, что в целостной системе они встречаются редко.

Совместно с Л. Е. Грининым [Гринин Л. Е. 2023в; см. также: Grinin A., Grinin L. 2024] мы попытались сформулировать их в системе. Хотя очевидно, что эта научная задача требует специального и крупного исследования, тем не менее, на мой взгляд, даже выраженные в кратком виде нижеприведенные идеи обладают методологической ценностью, позволяя лучше понимать те или иные процессы, а главное – дают некоторый инструмент для прогнозирования будущих перипетий борьбы за мировой порядок.

1. Система мирового порядка, как и любая сложная и динамичная система, проходит несколько (жизненных) фаз в своем развитии. Количество выделяемых фаз может зависеть от научных задач. Их может быть три: формирование – расцвет – упадок; четыре: формирование – расширение (экспан-

²⁴ При этом по мере расширения группы сопоставимых центров силы вероятность совпадения их интересов снижается, а значит, сокращается переговорное поле для достижения компромисса между всеми влиятельными участниками международной системы [Истомин 2016].

сия) – стабилизация – распад²⁵, или пять, если к предыдущей фазе добавить еще одну: формирование – расширение (экспансия) – стабилизация – деградация (упадок) – распад. Пожалуй, последняя выглядит наиболее адекватно.

2. Можно добавить также фазу после распада прежнего мирового порядка, когда идет кристаллизация контуров нового, но на фоне ожесточенной борьбы за гегемонию. Наиболее выдающимся в этом плане был период Второй мировой войны.

3. Можно согласиться, что все это представляет определенный циклический паттерн, циклы мирового порядка, которые ряд исследователей называют циклами гегемонии (см. Введение).

На фазе упадка/разрушения/деградации обычно наблюдаются тенденции к потере центром мирового порядка способности адекватно оценивать ситуацию, соответственно – действия, которые объективно ведут к дальнейшему ослаблению центра и обострению международных отношений. Именно это мы имеем сегодня в отношении поведения США и Запада в целом.

4. Еще Геродот (см. выше) отмечал, что в апогее могущества (и, добавим, особенно когда оно начинает клониться к упадку) в поведении могущественных держав (в нашем контексте – центральной державы мирового порядка) наблюдаются высокомерие и несправедливость по отношению к менее сильным. Сегодня мы видим это со стороны США, в том числе по отношению к союзникам, а со стороны Европы и других американских союзников – в отношении остальных стран. В итоге это ускоряет падение великих держав [Яковенко и др. 2023: 300].

5. Смена мирового порядка, к сожалению, в прошлом всегда была связана с войной [см., например: Gilpin 1981; см. также Organski, Kugler 1980; Кехлер 2022]. Дж. Миршаймер, один из классиков в тематике баланса сил и мирового порядка, в своей лекции «Война и международная политика» [Mearsheimer 2024; см. также: Mearsheimer 2001] утверждает, что война является доминирующей чертой международной политики; как только вы вступаете в войну, возникает очень мощная тенденция к эскалации войн до крайнего, абсолютно-го уровня, до тотальных войн. Это не неизбежно, но тем не менее вероятно. Следовательно, и в настоящий момент нужно быть к этому готовым и быть крайне осторожным, чтобы не спровоцировать большую войну.

Идет непрерывная борьба за лидерство. Конкуренты появляются на разных стадиях жизни системы мирового порядка. Это может происходить либо на стадии формирования нового мирового порядка, когда на смену уходящему лидеру приходят претенденты (каким был СССР по отношению к США); либо на стадии начала заката (Германия по отношению к Великобритании в конце XIX – начале XX в.).

6. Наличие конкурентов может быть как благом, поскольку держит мирового лидера в тонусе, так и, естественно, катастрофой, если конкурент побеждает, а лидер не собирается уступать ему место.

²⁵ Три стадии выделял уже Геродот. В изложении Дж. Неру это звучит так: «...в истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение» [Неру 1981: 82].

7. Отсутствие конкурента порождает и ускоряет деградацию лидера (см. также: [Мюллерсон 2022]).

8. В конечном счете смена системы мирового порядка определяется изменением баланса сил²⁶.

9. Исключительно важными являются периоды реконфигурации мирового порядка и Мир-Системы, в которые проявляются мировой беспорядок и усиление борьбы за гегемонию. Возможно, имеет смысл выделять их как отдельную фазу. О реконфигурации мы будем говорить в следующем параграфе, а также в главе 2.

10. Закономерности сигналов о кризисе лидера и мирового порядка. Помимо того, что сказано выше в п. 4, есть и сигналы, связанные с перестройкой экономики лидера. Дж. Арриги [Arrighi 1994; Арриги 2006; см. также: Arrighi, Silver 1999] указывает, что на определенной фазе развития, своего рода апогее могущества гегемона происходит упадок его производительности. Арриги называет это «сигнальным кризисом», то есть экономическим кризисом, который указывает на переход от накопления путем материальной экспансии к накоплению путем финансовой экспансии. Дело в том, что в попытках сохранить прибыли и свою ведущую роль в мировой экономике гегемон начинает усиливать свои финансовые возможности и рычаги. Иными словами, за ослаблением реальной экономики следует фаза, характеризующаяся финансовым посредничеством и спекуляциями. Она, соответственно, характеризуется преувеличенным вниманием к финансовым рынкам и финансовому сектору и меньшим вниманием к реальному сектору. Эта финансиализация внешне возвращает, а где-то усиливает позиции гегемона. Но такая финансиализация означает переход в последнюю фазу могущества гегемона и, соответственно, удерживаемого им мирового порядка.

Поскольку эта идея очень хорошо характеризует современные основы могущества США, мы к ней еще вернемся в главе 2, § 3.

* * *

Таким образом, в этом параграфе мы рассмотрели очень важные понятия и теории: собственно мировой порядок, баланс сил, на котором держится мировой порядок, причины изменения баланса сил (но об этом еще будет идти речь), некоторые закономерности смены мирового порядка и фазы его жизни, а также ряд теорий и понятий, включая геополитику, важность которой существенна и для нашего собственного анализа, и для понимания роли этих теорий идеологий во внешней политике США, Великобритании и частично других стран. В следующем параграфе мы продолжим теоретическую работу, но уже над понятиями и теориями, которые автор рассматривает как собственный инструментальный анализ.

²⁶ Соотношение сил ведущих государств в мировом пространстве никогда не бывает постоянным, преимущественно из-за неравномерности темпов развития различных сообществ, а также из-за технологических и организационных прорывов, что, безусловно, создает для одного общества определенные преимущества перед другим [Кеннеди 2018]. В реальном мире история – это последовательность постоянно меняющихся, динамичных силовых диспозиций среди тех, кто достигает статуса «главного игрока» в тот или иной момент [Кехлер 2022].